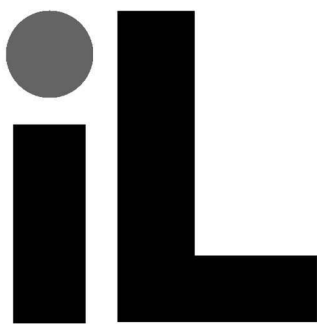

INDEX LIBRORUM

INDEX LIBRORUM

V.

ТОМАС ПИНЧОН

Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
П 32

Thomas Pynchon

V.

© 1961, 1963, 1989 by Thomas Pynchon

Перевод с английского *М. Немцова*

Художественное оформление *П. Петрова*

Пинчон, Томас.

П 32 V. / Томас Пинчон. — Москва : Эксмо, 2014. — 672 с. — (Index Librogum: интеллектуальная проза для избранных).

ISBN 978-5-699-73721-5

Роман «V.» был написан в 1963 году, когда его автору было всего двадцать пять лет. Однако мысль, что это дебют, «проба пера», при прочтении даже не приходит в голову — настолько парадоксально и мастерски написана эта книга.

На что она похожа? Несмотря на множество литературных ассоциаций, она не похожа ни на одно из существующих в мировой литературе произведений.

«V.» скорее вызывает ассоциации с джазовыми композициями или с живописью Босха, его «густонаселенными» картинами, в которых все на первый взгляд хаотично, но из этого хаоса можно извлечь множество смысловых пластов — надо только внимательно и вдумчиво взглядеться.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Немцов М., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-73721-5

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой Бенни Профан,
шлемиль и одушевлен-
ный йо-йо, оконча-
тельно отбивается
от рук**

V

I

В Сочельник 1955-го Бенни Профану, в черных «ливайсах», замшевой куртке, подкрадухах и здоровенной ковбойской шляпе, случилось миновать Норфолк, Вирджиния. Подверженный сентиментальным порывам, он решил заглянуть в «Могилу моряка», таверну своего прежнего корыта на Восточной Главной. Проник в нее он через «Аркаду», с чьего Восточно-Главного конца сидел старый уличный певец с гитарой и пустой банкой из-под «Стерно» для подношений. А на улице старший писарь пытался отлить в бензобак «пакарда-патриция» 54-го года, и пять или шесть младших матросов стояли крúгом, ему потворствуя. Старик пел превосходным крепким баритоном:

Что ни вечер, на Восточной Главной – Рождество.
Здесь моряки подружек обретут,
Огни – рубин и изумруд –
Дружбу и любовь влекут,
Из моря корабли они зовут.

Мешок у Санты грезами набит,
И пиво бьет шампанским озорством.
Тут любят кельнерши любить
И не дают тебе забыть,
Что на Восточной Главной — Рождество.

— Эгей, старшой, — завопил один бес. Профан свернул за угол. Как за нею водится, без особого предупреждения Восточная Главная напрыгнула на него.

Уволившись с Флота, Профан клал дороги, а когда работы не было — просто перемещался, вверх и вниз по восточному побережью, как йо-йо; и длилось это, может, года полтора. Проведя столько на стольких именованных мостовых, что и считать неохота, Профан стал относиться к улицам с легкой опаской, особенно — к таким. Все они вообще-то сплывались в единственную отвлеченную Улицу, о которой с полнолунием ему будут сниться ужасы. Восточная Главная, гетто для Пьяных Матросов, с которыми никто не знает, Что Делать, налетала на нервы со всею внезапностью обычного ночного сна, который обращается в кошмар. Собака в волка, свет в межесветок, пустота в затаившееся присутствие, вот тебе сопляк-морпех блюет посреди улицы, кельнерша с гребным винтом, наколотым на каждой ягодице, один потенциальный бесноватый, что присматривается, как бы получше сигануть в оконное стекло (когда кричать «Джеронимо»? до или после того, как стекло разобьется?), пьяный боцманмат плачет, забившись в переулок, потому что когда БП-ы¹ в последний раз его таким поймали — укатали в смирительную рубашку. Под ногой, то и дело, начинался вибреж тротуара от берегового патрульного во многих фонарях оттуда,

¹ Береговой патруль. — *Здесь и далее прим. переводчика. Переводчик благодарен авторам конкорданса PinchonWiki, Дж. Керри Гранту, Крису Группетте и Патфику Хёрли.*

что ночной своей дубинкой выстукивал «Атас»; над головой, зеленыя и уродуя все лица, сияли ртутные лампы, удаляясь асимметричной V к востоку, где темно и баров больше нет.

Прибыв в «Могилу моряка», Профан застал разгар небольшой потасовки между матросами и гидробойцами. Миг постоял в дверях, наблюдая; затем, осознав, что он уже и так одной ногой в «Могиле», нырнул вбок, чтоб не мешать драке, и прикинулся более-менее шлангом у латунных поручней.

— И чего не жить человеку в мире со своими собратями, — поинтересовался голос за левым ухом Профана. То была кельнерша Беатрис, возлюбленная всего 22-го Дивизиона ЭМ, не говоря о прежнем судне Профана, военном корабле США эскадренном миноносце «Эшафот». — Бенни, — возопила она. Они понежничали, снова встретившись после такой долгой разлуки. Профан принялся рисовать в опилках сердечки, стрелки сквозь них, морских чаек, несущих в клювах транспарант, гласивший «Дорогая Беатрис».

Экипаж «Эшафота» отсутствовал — жестянка эта отчалила в Средь позавчера вечером под целый шторм нытья команды, долетавший аж до облачных Путей (как утверждала байка) голосами с корабля-призрака; даже в «Малом Ручье» слышали. Соответственно, сегодня вечером кельнерш имелось в наличии несколько больше обычного, обслуживали столики по всей Восточной Главной. Ибо говорится же (и говорится недаром), что стоит лишь судну вроде «Эшафота» отдать концы, как некие военно-морские жены в момент переоблачаются из штатского в официанточьи мундиры, разминают пивоносные руки и репетируют милые улыбки потаскуний; не успеет оркестр ОБ¹ ВМС доиграть «Старое доброе

¹ Оперативная база.

время», а эсминцы еще продувают трубы, осыпая черными хлопьями будущих роконосцев, что мужественно вытянулись по стойке смирно, отбывая с сожаленьем и скупыми ухмылками.

Беатрис принесла пиво. От какого-то столика в глубине донесся пронзительный вяк, она дернулась, пиво плеснулось через обод стакана.

— Боже, — сказала она, — опять Фортель. — Фортель нынче служил мотористом на минном тральщике «Порывистый» и скандалом на всю длину Восточной Главной. Росту в нем было пять футов без гака в палубных сапогах, и он вечно пер на рожон против самых здоровенных на судне, зная, что всерьез они его никогда не воспримут. Десять месяцев назад (перед тем, как его перевели с «Эшафота») Флот решил удалить Фортелю все зубы. В ярости Фортель кулаками пробил себе дорогу сквозь старшину-санинструктора и двух офицеров-стоматологов, и только после этого решили, что он свои зубы хочет сохранить на полном серьезе.

— Но подумай сам, — кричали офицеры, стараясь не расхохотаться и отмахиваясь от его крохотных кулачков: — Обработка корневого канала, абсцессы десен...

— Нет, — верещал Фортель. Наконец пришлось двинуть ему в бицепс укол пентотала. Проснувшись, Фортель узрел апокалипсис, орал продолжительные непристойности. Два месяца он жутким призраком бродил по «Эшафоту», без предупреждения подпрыгивал и раскачивался на подволоке, будто орангутанг, пытался пнуть комсостав в зубы.

Стоял, бывало, на кормовом подзоре и ездил по ушам тем, кто б ни готов был его слушать, разглагольствуя ватным ртом с больными деснами. Когда же во рту все зажило, ему вручили комплект блестящих уставных мостов, верхнего и нижнего.

— Боже мой! — заревел он и попытался прыгнуть за борт. Но его скрутил гаргантюанских габаритов негр по имени Дауд.

— Ты чего это, малявка, — сказал Дауд, подымая Фортеля за голову и пристально разглядывая эти судороги робы и ропота, чьи ноги бились в ярде над палубой. — Ты зачем это хочешь пойти и такое учинить?

— Мужик, да я сдохнуть хочу, больше ничего, — вскричал Фортель.

— Ты разве не знаешь, — произнес Дауд, — что ценнее жизни у тебя имущества нет?

— Хо, хо, — ответил Фортель сквозь слезы. — Почему это?

— Потому, — сказал Дауд, — что без нее ты труп.

— А, — сказал Фортель. Неделю потом об этом думал. Успокоился, снова стал ходить в увольнения на берег. Перевод на «Порывистый» сбылся. Вскоре, после Отбоя, машина начинала слышать странный скрежет от койки Фортеля. Так оно шло недель парутройку, пока однажды ночью, часа в два, кто-то не зажег в кубрике свет — Фортель сидел по-турецки на койке и точил зубы небольшим полудрачевым напильником. В следующий вечер выдачи денежного довольствия Фортель сидел за столом в «Могиле моряка» с прочей машиной, тише обычного. Около одиннадцати мимо качко пронесло Беатрис с подносом пива. Злорадно Фортель высунул голову, широко распахнул челюсти и впился свежезаточенными протезами в правую ягодицу кельнерши. Беатрис завопила, стаканы полетели, параболически сверкая и орошая «Могилу моряка» водянистым пивом.

Это стало у Фортеля любимым развлечением. По дивизиону, по эскадре, а то и по всему Атлантическому миноносному соединению поползли слухи. Не служащие на «Порывистом» или «Эшафоте» при-

ходили посмотреть. От этого начиналось множество драк вроде происходящей нынче.

— Кого он цапнул, — спросил Профан. — Я не видел.

— Беатрис, — ответила Беатрис. Беатрис была еще одной кельнершей. Миссис Буффо, хозяйка «Могилы моряка», которую тоже звали Беатрис, выдвинула теорию: как маленькие дети всех женщин зовут мамой, так и моряки, по-своему равно беспомощные, должны всех кельнерш звать Беатрис. В целях дальнейшего осуществления этой материнской политики она установила у себя заказные пивные краны, выполненные из пенорезины, в виде гигантских грудей. С восьми до девяти в вечер жалования тут происходило нечто, миссис Буффо называемое Часом Отсоса. Она его официально начинала, являясь из подсобки в кимоно, расшитом драконами, которое ей подарил воздыхатель с Седьмого флота, подносила к губам боцманскую дудку и давала сигнал «Команде Ужинать». По нему все кидались к пивным кранам и, если везло добраться, из них удавалось соснуть. Кранов таких было семь, и обычно на такую потеху собиралось в среднем по 250 моряков.

Вот из-за угла бара высунулась голова Фортеля. Он щелкнул Профану зубами.

— А вот, — сказал Фортель, — мой друг Росни Гланд, на борту недавно. — Он показал на длинного печального мятежника с огромным клювом — дылда подвалил вместе с Фортелем, волоча по опилкам гитару.

— Здравсьте, — сказал Росни Гланд. — Мне хотелось бы спеть вам песенку.

— В честь того, что ты стал РПК¹, — сказал Фортель. — Росни ее всем поет.

— Это в прошлом году было, — сказал Профан.

¹ Вообще — рядовой первого класса.

Однако Росни Гланд уперся ногой в латунный поручень, гитарой в колено и затрямкал. После восьми тактов эдакого он запел в темпе вальса:

Разнесчастный Понурий Крысеньш,
 По тебе все рыдают тайком.
 В кубриках и на мостике грустно,
 Слезы льет даже жалкий старпом.
 Ты списался и сделал ошибку,
 Жопу драть тебе целились шибко,
 Рапортов на тебя — знай держись.
 Ну а мне б — только флотскую лямку,
 Крысой посуху — это не жизнь.

— Симпатично, — вымолвил Профан в стакан с пивом.

— Дальше — больше, — сказал Росни Гланд.

— О, — сказал Профан.

Сзади Профана вдруг окутали миазмы зла; на плечо ему мешком картошки обрушилась рука, а в поле периферического зрения вполз пивной стакан, окруженный крупной vareжкой, неумело сработанной из шерсти недужного бабуина.

— Бенни. Как делишки, чахнут, хьё, хьё.

Такой смех мог исходить только от Профанова некогда-сослуживца Свина Будина. Профан обернулся. И впрямь. «Хьё, хьё» примерно отображает смех, образуемый подведением кончика языка к основаниям верхних центральных резцов и выдавливанием из глотки гортанных звуков. Звучал он, как Свин и надеялся, до ужаса непристойно.

— Старина Свин. Ты разве не пропускаешь передислокацию?

— Я в самоволке. Боцманмат Папик Год вынудил дать тягу. — Избегать БП лучше всего по трезвянке и со своими. Потому и «Могила моряка».

— Как Папик.

Свин рассказал ему, как Папик Год и кельнерша, на которой он женился, разбежались. Она отвалила и устроилась работать в «Могилу моряка».

Ох уж эта юная жена, Паола. Сказала, что ей шестнадцать, но поди пойми — родилась перед самой войной, и здание со всеми ее документами уничтожили, как большинство прочих зданий на острове Мальта.

Профан присутствовал при их знакомстве: бар «Метро», Прямая улица. Кишка. Валлетта, Мальта.

— Чикаго, — это Папик Год своим голосом гангстера. — Слыхала о Чикаго, — меж тем зловеще суя руку себе под фуфайку, обычный финт Папика по всей Средь-литорали. Вытаскивал обычно платок, а вовсе не волну и не шпалер, сморкался в него и хохотал над той девчонкой, кому выпало сидеть напротив за его столиком. От американских киношек выработывались стереотипы — у всех, кроме Паолы Майистрал, которая и после его рассматривала так же, не раздув ноздрей, брови на мертвой точке.

В итоге Папик занял 500 под 700 из смазочного фонда кока Малого, чтобы привезти Паолу в Штаты.

Может, для нее это просто был способ выбраться в Америку — полоумие всякой средиземноморской кельнерши, — где хватает еды, теплой одежды, всегда есть отопление, дома целы и невредимы. Папику пришлось наврать про ее возраст, чтобы протащить в страну. Она могла выглядеть на любые года, каких пожелает. И в ней подозревал любую национальность, ибо Паола владела огрызками, похоже, всех языков.

Папик Год на потеху палубе описал ее в шкиперской кладовке военного корабля США «Эшафот». Говоря все время, однако, с причудливой нежностью, словно бы медленно осознавал, может, и по мере выкладывания байки, что вдрут в половых от-

ношениях больше тайнства, чем он предвидел, и счет ему, в итоге, окажется неведом, потому что такие счета не цифрами записываются. Кое открытие после сорока пяти лет жизни — пустяк для любого разнuzданного Папика Года.

— Годный кадр, — обронил Свин в сторону. Профан перевел взгляд в глубину «Могилы моряка» и увидел, как она уже подходит сквозь скопившийся вечерний дым. Похожа на кельнершу с Восточной Главной. Что там у нас с белохвостым зайцем на снегу, с тигром в высокой траве и на солнышке?

Она улыбнулась Профану: грустно, с натугой.

— На сверхсрочную вернулся?

— Я проездом, — ответил Профан.

— Давай со мной на западное побережье, — сказал Свин. — Не собрали БП еще такой машины, чтоб уделала мой «харли».

— Глядите, глядите, — вскричал малыш Фортель, подсакивая на одной ноге туда-сюда. — Только не сейчас, ребята. На старт. — Он показал. На стойке материализовалась миссис Буффо в своем кимоно. Заведение притихло. Между гидробойцами и матросами, забившими проход, заключилось мгновенное перемирие.

— Мальчики, — объявила миссис Буффо, — у нас Сочельник. — Она извлекла боцманскую дудку и заиграла. Над распахнутыми глазами и раззявленными ртами знойно и флейтово затрепетали первые ноты. Все в «Могиле моряка» слушали благоговейно, мало-помалу соображая, что играет она «Вот ясной полночью звучит», в ограниченном диапазоне боцманской дудки. Откуда-то с тылов заведения молодой резервист, некогда выступавший по ночным клубам Филли, взялся тихонько подпевать. У Фортеля засияли глаза.

— Это голос ангела, — произнес он.